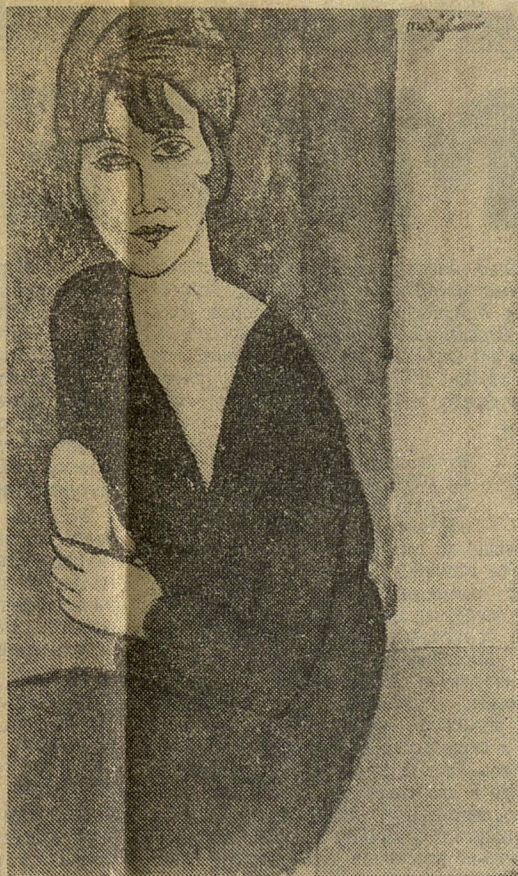
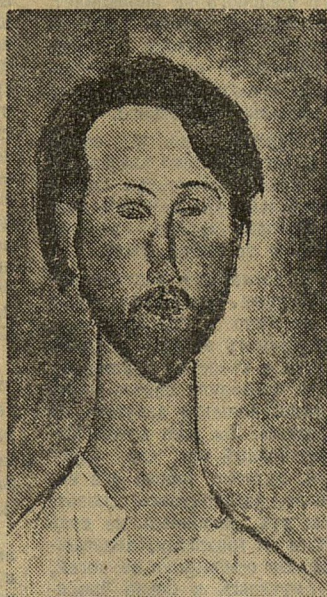
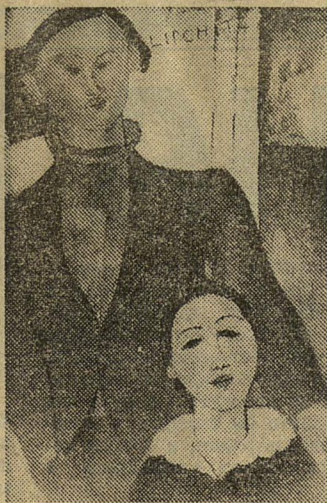

Неделя, 1984, сентябрь, № 37.

НА РЕПРОДУКЦИЯХ:

- «Alice».
- Жак Липшиц и его жена.
- Леопольд Зборовский.
- Мадам Рейнар.

ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ

АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ

К 100-летию со дня рождения

В римской галерее современного искусства было пусто. Редкие посетители, загнанные сюда осенним дождем, с безразличным видом слонялись по залам. В одном из них приметил пожилого человека, пристально смотревшего на полотно с обнаженной женщиной, написанной отнюдь не в рубенсовской манере. Я остановился рядом, и человек спросил, не поворачивая головы:

— Вам нравится Модильяни?
— Не знаю...
— Многие не знают и не понимают, в том числе мы, итальянцы. Я говорю не только о Модильяни. Не сумели разгадать гения в Карузо, и он уехал в Америку, чтобы изредка появляться на гастролях в родных пенатах. Теперь вот носимся с Робертино Лоретти, хотя всем очевидно, что великого певца из него не получится. Исконного итальянца Модильяни французы считают своим соотечественником, потому что на Апеннинах его не поняли и он умер в Париже, отдав почти все свои полотна в частные и не всегда чистые руки. Но поверьте, пройдет еще немного времени, и любой престижный музей будет считать за честь выставить его шедевры. Потому что Модильяни опередил свою эпоху...

Этот давний разговор со старым римским художником Эрминьо Поркерой (а с ним после случайного знакомства в галерее меня связывали долгие годы журналистской дружбы в Вечном городе) вспомнился сейчас, потому что в Италии, во Франции и во многих других странах отметили 100-летие со дня рождения безусловно талантливого, хотя и во многом противоречивого художника. Именно таким был Амедео Модильяни.

Прав оказался мой римский знакомец. Лоретти не заменил Карузо, а за полотнами Модильяни, когда-то купленными буквально за гроши, а ныне продаваемыми по баснословным ценам, идет настоящая охота.

Модильяни — сложный художник. Чтобы понять его картины, рисунки, нужно долго в них вглядываться. И тогда произойдет чудо: за внешней монотонностью, асимметричностью и даже явной искаженностью лиц и фигур вам вдруг откроется многообразие характеров, вы почувствуете, с какой необыкновенной любовью к людям искал этот мятущийся маэстро правду жизни, пытался разобраться в сложнейшей гамме человеческих страстей. Он удивительно точно владел линией рисунка. Всмотритесь в любой из серии портретов или его «ню» — обнаженных на-

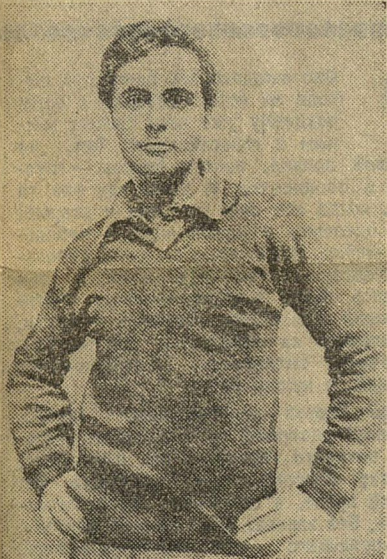
тур, и вы сразу же схватите образ, характер тех, кого выбирал художник в качестве моделей. «Модильяни не вытягивает лиц, не подчеркивает их асимметрии, не выкалывает человеку почему-то один глаз, не удлинняет шеи. Все это складывается само собой в его душе. Так он рисовал нас за столиками в «Ротонде». Рисовал без конца, как он нас воспринимал, судил, любил или опровергал...» Это написал современный Модильяни, один из его друзей, Жан Кокто.

Модильяни — сложный художник. Ибо, кроме нескольких картин в национальных галереях Италии и Франции и еще немногих — в музеях других стран, его произведения трудно доступны для широкой публики, известны лишь по репродукциям, которых, кстати говоря, не так уж много.

Мне повезло. Я видел подлинники Модильяни в Риме и Париже и, конечно же, могу засвидетельствовать, что волшебство игры красок на полотнах маэстро не может передать никакая, даже самая отличная, репродукция. Его любимые цвета — красный, коричневый, каштановый, синий, зеленый, черный. Мазки его кисти короткие, цвета ложатся один на другой, и от этого картина как бы высвечивается изнутри.

Модильяни — сложный художник. Еще и потому, что его совсем не просто определить, так сказать, с точки зрения социальной. Вряд ли можно согласиться с теми искусствоведами, которые считают Модильяни чуть ли не революционером. Нет, он не бунтарь в прямом понимании этого слова, и его социальные мотивы отнюдь не революционны. Он, если хотите, живописец сам по себе, со своим видением жизни, хотя и страстно ненавидевший всяческое самодовольство, снобизм, ханжество, буржуазную сытость...

Это неудивительно. Короткая жизнь Модильяни, а он прожил всего лишь тридцать шесть лет, прошла в бедных парижских кварталах. И окончилась в больнице для немощных на улице Жакоб, где художник скончался от туберкулеза. Через весь город провозили друга усыпанный запоздалыми цветами гроб с телом нищего, не признанного никем при жизни маэстро. И Париж молчаливо извинялся перед

● Амедео Модильяни (1909 г.).

своим приемным сыном за черствое равнодушие отцов города. Ему отвели место на престижном кладбище Пер-Лашез, правда, в той его части, где прежде хоронили парижскую бедноту. На скромном надгробии могилы выбита по-итальянски надпись: «Смерть настигла его на пороге славы».

Не знаю, в оправдание или в наказание потомкам написали друзья Модильяни эти грустные слова. Но они оказались пророческими...

Леонид КОЛОСОВ.